

дарственного и народнаго. Другое дѣло—подробности ея примѣненія; здѣсь можетъ идти рѣчь о личномъ вліяніи, между прочимъ—и о вліяніи Каткова. Въ чемъ же оно выразилось всего ярче, всего сильнѣе? „Московскія Вѣдомости“—этого мы не отрицаемъ—стояли, вмѣстѣ съ Милютиннымъ, Самариннымъ и кн. Черкасскимъ, за возможно лучшее обезпеченіе массы въ западномъ краѣ и царствѣ польскомъ, за поднятіе и укрѣпленіе крестьянскаго элемента; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онѣ держались совершенно иныхъ началъ по отношенію къ коренной Россіи. Двойственность въ политикѣ—явленіе слишкомъ ненормальное, чтобы быть продолжительнымъ. Примѣнять къ окраинамъ систему, признаваемую непригодною для центра, можно только до тѣхъ поръ, пока не закончилась открытая борьба, пока не миновала опасность; когда все вошло въ обычную колею, одно изъ двухъ несовмѣстимыхъ началъ непременно должно восторжествовать надъ другимъ—и шансы побѣды принадлежать, безъ сомнѣнія, не тому изъ нихъ, которое было употребляемо лишь какъ оружіе во время боя. Такимъ именно оружіемъ служилъ, для „Московскихъ Вѣдомостей“, крестьянскій вопросъ на западѣ Россіи—и если вторая половина шестидесятихъ годовъ быстро отодвинула его на задній планъ, то доля ответственности за это упадаетъ на газету, постоянно стоявшую за политику двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ. Остается, затѣмъ, проповѣдь обрусѣнія, непрерывно раздававшаяся съ трибуны Страстного бульвара. Считать ли ее заслугой или ошибкой—это вопросъ, каждымъ разрѣшаемый по-своему; нашъ отвѣтъ заранѣе извѣстенъ нашимъ читателямъ. Замѣтимъ только, что въ безчисленныхъ варіаціяхъ на главную тему московская газета обращалась, очевидно, не къ лучшимъ чувствамъ русскаго общества. Она сѣяла недовѣріе, раздраженіе, вражду—и жатва соотвѣтствовала посѣву. Чего стоють одни нападенія на украинофильство, однѣ попытки заподозрить любовь къ родному нарѣчію, къ родному краю! Достаточно припомнить, что свободнымъ отъ этихъ подозрѣній не оставался даже такой человѣкъ, какъ Костомаровъ.

Говорятъ, что Катковъ много сдѣлалъ для русской печати, что онъ поднялъ ее на небывалую высоту, далъ ей небывалое значеніе. Болѣе ошибочнаго мнѣнія нельзя себѣ и представить. Поднять значеніе печати можетъ только свобода—свобода для всѣхъ равная, всѣмъ одинаково обезпеченная,—а не привилегія откровенности, фактически предоставленная одной газетѣ. Свободѣ печати, даже самой умѣренной, Катковъ былъ безусловно враждебенъ—враждебенъ въ теоріи, признавая, что никакихъ правъ и гарантій для русской печати не нужно, что положеніе ея уже теперь не оставляетъ желать ничего лучшаго,—враждебенъ на практикѣ, прямо обвиняя ненавистные ему